

Serna P. Was Directory a Republic of the Center? A Delusive State of Imperceptible Bourgeois

The dominant role of the bourgeoisie in the revolutionary events in the 18th century France has been recently doubted by some historians who raised the problem of the bourgeois myth. This social category made an important afford to maintain its position after the French Revolution using its economic and political influence. However it didn't manage to establish its social identity probably because of the fact that its representatives were intentionally trying to disguise their real purposes. Nevertheless, they retained political and financial instruments at the time of the Republic of the Centre, the regime which was set up by the Directory.

Keywords: the French Revolution, bourgeoisie, Directory.

А.А. Митрофанов

**ВЗГЛЯД НА РЕВОЛЮЦИЮ ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ:
БЕСЕДА С ПЬЕРОМ СЕРНА¹**

Автор предлагает вниманию читателей интервью с известным французским исследователем, последним директором Института истории Французской революции Пьером Серной, который рассказывает об истории возглавляемого им в тот момент, а ныне закрытого Института, о своем творчестве, о современном состоянии во Франции исследований, посвященных Революции, о кризисе идентичности, переживаемом сегодня Пятой республикой. Особое внимание уделяется изучению такой, долгое время игнорировавшейся историками теме, как упрочение республиканских институтов в эпоху Директории, и такому, напротив, широко обсуждаемому сюжету как феномен Террора, для объяснения которого П. Серна обращается к традиционной для республиканцев «теории обстоятельств».

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., Институт истории Французской революции, Директория, Террор, идентичность.

Это интервью с профессором университета Париж 1 Пьером Серной, известным исследователем, возглавлявшим с 2008 г. Институт истории Французской революции (ИИФР), было записано в ноябре 2010 г., во время первого в его жизни визита в Москву. Впрочем, тогда текст, по техническим причинам не попал в очередной выпуск «Французского ежегодника» и остался в архиве автора. Быть может, до его публикации дело бы так и не дошло, если бы не событие, потрясшее всё мировое сообщество историков Революции: 1 января 2016 г. ИИФР прекратил свое существование, растворившись в еще одном структурном подразделении Университета Париж 1 – Институте новой и новейшей истории. Соответственно, предлагаемая ниже вниманию читателей беседа с десятым и последним директором ИИФР – уже сама по себе стала историческим источником, повествующим о жизни ушедшего в прошлое учреждения, которое на протяжении восьми десятков лет было одним из флагманов мировой историографии Французской революции.

– Господин Серна, расскажите, пожалуйста, об Институте, который вы возглавляете. У него долгая история. Что он представляет

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

собой сейчас? Какие связи ИИФР поддерживает сегодня с другими научными и учебными учреждениями?

– ИИФР в Сорбонне основал Жорж Лефевр еще в 1937 г. Очень важно, что это было естественным продолжением замысла другого выдающегося историка – Альфонса Олара. Поскольку именно Олар со своим другом русским-эмигрантом историком-социалистом Борисом Миркиным-Гецевичем создал Центр по истории Французской революции. Институт должен был стать уникальным научным центром, где изучалась бы только эпоха Французской революции XVIII в. И до сегодняшнего дня Институт – это, в своем роде, уникальное учреждение в научном мире Европы и Америки, благодаря установлению и сохранению связей с научными и учебными учреждениями Франции, что для него является важнейшим направлением деятельности. Сейчас Институт имеет прочные связи с теми университетами, где существует давняя традиция изучения Французской революции: помимо различных структурных частей университета Париж 1 (Пантеон-Сорбонна), в рамках которого и существует Институт, налажены связи с университетами Лилля, Руана, Клермон-Феррана. К сожалению, сейчас временно прерваны аналогичные связи с Лионом и Тулузой.

– Вы говорили об основателе ИИФР Ж. Лефевре. Какова сегодня судьба левых традиций в вашем Институте?

– Когда мы говорим о «левых» – современниках Альбера Матъеза и Альфонса Олара, необходимо уточнить, что сегодня Вы подразумеваете под «левыми», задавая такой вопрос. Олар был республиканцем, радикалом и даже социалистом, но вполне умеренным. Матъез же, хотя и являлся в научной сфере лучшим учеником Олара, но придерживался радикально более левых взглядов, восхищался революцией в России, поддерживал международное рабочее движение. Необходимо сказать и о руководителях нашего Института более позднего периода. Например, мой учитель, 12 лет стоявший во главе Института, Мишель Вовель, был членом Французской коммунистической партии. Напротив, другой директор Института – в 2000-2008 гг. – Жан-Клеман Мартен открыто заявлял о себе как о некоммунисте. Чтобы точнее ответить на этот вопрос, напомню, что в 1970-х гг. появилась группа левых интеллектуалов, которые приняли активное участие в подготовке программы будущего президента – социалиста Франсуа Миттерана. Эта группа существовала в Школе высших исследований в гуманитарных науках (École des hautes études en sciences sociales – EHESS). Наиболее видные ее представители – Пьер

Розанваллон, Франсуа Фюре, Марсель Гоше. В России их именуют «ревизионистами», но во Франции «ревизионизм» – это термин, который употребляется применительно к публицистам и политикам, пытающимся отрицать массовое уничтожение евреев нацистами в годы Третьего рейха. У этой группы левых интеллектуалов из EHESS иное название: их принято называть «критическая школа». И, наконец, если говорить о моей собственной позиции, то я являюсь приверженцем тех самых принципов, которые были заложены ученым и республиканцем Альфонсом Оларом при создании кафедры Французской революции в Сорбонне.

– Недавно под эгидой вашего Института проводилась конференция «Обучать Французской революции...». Одной из центральных среди поднятых там проблем была проблема идентичности. Каковы уроки Революции для понимания проблемы республиканской идентичности в наше время? Правомерно ли так ставить вопрос?

– Чтобы ответить на него, нужно напомнить, что фундаментальный конфликт состоял между тем, что мы называем славным моментом взятия Бастилии, и «менее славным» моментом – периодом закрепления завоеваний Революции. Время Директории – это время буржуазной республики, но отнюдь не такой же «славной», как в начальный период Революции. Обращаясь к вопросу о зарождении республиканской идентичности, я все же полагаю, что не менее интересно, чем традиционно прославляемые страницы истории 1789-1794 гг., и всё то, что происходило потом, когда наследники Национального Конвента в очень сложных условиях пытались стабилизировать положение и сохранить завоевания Революции. Их цель как раз и состояла и в том, чтобы создать республиканскую идентичность и Республику, сохранить «наследие 1789 года», не используя более методы и опыт террора. Именно поэтому Конституция III года Республики и период Директории мне сегодня кажутся чрезвычайно актуальными для изучения. Бесспорно и то, что сейчас мы переживаем во Франции очень тяжелый кризис национальной идентичности. Республика – это основа всех наших общественных институций, это выражение общей воли, ибо в основе нашего современного общества находится «республиканский пакт». И потому современный историк должен обращать внимание читателей как раз на тот, менее известный период Французской революции, не столь «славный», на протяжении которого и были закреплены ее непрочные завоевания. Это был в известном смысле период стабилизации республики.

– **Можно ли, по-вашему, назвать режим Директории 1795-1799 гг. либеральным?**

– Это очень сложно. Сложно квалифицировать республику времен Директории как либеральную, не сделав ряд предварительных оговорок. Во-первых, нужно принимать во внимание, что Французская республика времен Директории – это республика сражающаяся. Во-вторых, важно помнить, говоря о «либерализме» Директории, что Франция той эпохи – это, благодаря продаже национальных имуществ, аграрная страна, страна мелких сельских собственников. И третий важный момент для нюансировки термина «либеральный» в применении к политике Директории: если говорить о свободе частной инициативы, о следовании логике рынка как основе государственной экономической политики, то скорее нужно сказать – да, всё это имело место, но всё же политика Директории никогда не носила абсолютно либеральный характер. Хоть и вынужденно, но экономическая политика Директории имела, при известных оговорках, немного «дирижистский» характер. Этот период тоже имел своих героев, которые, кстати, тоже менее известны, чем деятели 1789 года, творцы Великого Террора или Наполеон Бонапарт. Одним из них был, например, весьма деятельный министр и известный писатель Франсуа де Нефшато. Подлинными республиканцами последних лет XVIII в. – это люди нам теперь почти неизвестные или, точнее, малоизвестные, но все они были, по разным причинам, убежденными сторонниками республики. По сути дела, Директория в наших представлениях затеняется двумя крупнейшими личностями – Робеспьером и Бонапартом, оказывается «втиснута» между диктатурой монтаньяров и Консулатом, что долгое время отражалось на изучении этого периода. В этой связи я хочу вспомнить слова любимого мною Анахарсиса Клоотса, который говорил: «Французы болеют великими людьми». И вот из-за такой склонности к «великим людям» период с 1794 по 1799 г. долгое время обходили стороной, хотя именно в те годы, когда требовалось восстановить государство и общественный порядок, у власти находились политики-центристы.

– **И этой проблеме посвящена ваша монография «Республика флюгеров»?**

– Меня очень критиковали коллеги во Франции за эту книгу по той причине, что историки вообще редко любят неологизмы. А я как раз предложил такой неологизм для истории Революции – «крайний центр». Почему критиковали? Работая над историографией Французской революции, я осознал, что большинство дебатов на протяжении

почти двух веков строились вокруг вопроса о радикализации. С одной стороны, находились группы крайне левого толка – кордельеры, эбертисты, робеспьеристы, с другой стороны находились правые и ультраправые – конституционные монархисты, контрреволюционеры-роялисты, католики. Но если рассматривать правых и левых политиков-экстремистов, находившихся по краям политического поля, то по отношению к 28 млн своих современников-французов они являлись несомненным меньшинством. Есть одна вечная проблема методологии для историков. Историки принимают исторические документы как точное отражение реальности. Они полагают, что источники перед их взором это и есть сама историческая реальность! Более того, сохраняя политические традиции, историки представляют историю политических дискуссий как дискуссий только между правыми и левыми. Но политические дебаты велись совсем иначе, чем ученые представляют себе это сегодня. Основную массу политиков составляли те, кто был «немного правым» и «немного левым». История Революции долгое время «отклонялась в сторону», она создавалась по архивным материалам Национального собрания, по опубликованным материалам «Парламентского архива». Таким образом, происходил возврат к знаменитой идее Монтескье о роли великого законодателя в истории. Но я напому в связи с этим слова выдающегося члена Конвента Б. Барера: «Принимать законы – хорошо, но применять их на практике – еще лучше». Разумеется, революционные ассамблеи вынуждены были довольно быстро заняться созданием нового государственного аппарата, новой системы исполнительной власти. Вопрос об исполнительной власти для всякой революции – и российская революция не была в данном случае исключением – в определенный момент становится центральным. Вопрос об исполнительной власти не имел прямого отношения к идеологии, Сен-Жюст и Трояцкий это одинаково хорошо понимали.

– **Возвращаясь к предшественникам Директории, невозможно уйти от вопросов о жестокости, насилии в эпоху Революции и, конечно, о Терроре...**

– Должен признаться, что я не отношусь к числу «робеспьеристов», но я немного устал от упоминаний о революционном насилии. Я хочу сказать, что во Франции с 1990-х гг. произошла настоящая вульгаризация идей Ф. Фюре. Это выглядит примерно так: всю Революцию сводят к Террору, весь Террор к личности одного Робеспьера, а Робеспьера «сужают» собственно до гильотины. Такое упрощение истории не имеет оправданий. Речь не идет об уменьшении масштабов имевшего место револю-

ционного террора. Но речь о другой проблеме. Историк Роберт Палмер² любил Францию и, будучи современником Второй мировой войны, был поистине поражен реакцией французских элит на вторжение гитлеровцев во Францию. Это отразилось и в его книге 1940 г., посвященной Комитету общественного спасения. Дата выхода книги совсем неслучайна. Это книга о революционной войне. Для Палмера в тот момент было очень важно напомнить о событиях Революции и войнах против антифранцузских коалиций, ведь и тогда «французы были завоеваны, но сами себя освободили». Насилие – это война. Нет войны – нет террора. Вот, что хотел сказать Палмер. Почему я упоминаю эту книгу Палмера? Потому что он наоборот поставил старую историческую проблему террора, показав, почему террор был ужасен... И ответил на вопросы почему и как война была связана с террором. Да, необходимо признать: 60 из 83 департаментов Франции восстали против власти Национального Конвента. Франция не была республиканской в 1794 г. На мой взгляд, несправедливо, что Палмер в своих выводах остался одинок и изолирован в научном сообществе. Во Франции сегодня знают обо всех жертвах Террора, обо всех гильотинированных. Их приблизительно 30 тыс. человек. Это значит, что в те годы все же имела место судебная процедура, юстиция экстраординарная, революционная, но все же юстиция. Я напомним, что когда Комитет общественного спасения узнал о внесудебных массовых утоплениях на Луаре, Ж.Б. Каррье был немедленно отозван в Париж. Да, на период 1793-1794 гг. приходится 400 тыс. жертв, но все это жертвы гражданской войны. Вместе с тем, нам неизвестно, сколько погибло солдат Республики на полях войны с коалицией. А это была просто подлинная гекатомба. Они погибли за свою родину. Это тоже чудовищная жестокость. Почему же не посвящают такого же количества научных трудов судьбам этих людей? Я не предлагаю отрицать феномен Террора, но предлагаю взглянуть на это иначе, предлагаю представить, осмыслить революционное насилие как, в своем роде, «радикально новый феномен». Почему новый? Потому что революционное насилие – это только форма гражданской войны. До XVIII в. периоды невероятной жестокости в ходе гражданских вооруженных конфликтов хорошо известны: прежде всего, это религиозные войны XVI в. с избиениями протестантов, а в 1685 г. как продолжение – изгнание протестантов после отмены Нантского эдикта. Гражданская война конца XVIII в. – это война идеологическая.

² Роберт Палмер (1909-2002), американский историк, специалист по истории Франции и других стран Европы и Америки XVIII в. В данном случае речь идет о книге: *Palmer R. Twelve who ruled, the Committee of public safety during the Terror. Princeton, 1941.*

Это жестокость невероятная и новая по своей сути. Гражданская война добавилась к войне с внешними врагами и это не преминуло сказаться на конструировании коллективной идентичности, на национальной мифологии. Именно тогда изобретается концепция «солдата-гражданина» и концепция идеологической войны как таковой. И вот в таком широком контексте вопрос о революционном насилии – это провоцирующий вопрос. Вспомним жерминальское восстание: ноль погибших. И один погибший во время прериальского восстания – депутат Ферро. При подавлении восстания в прериале действовала чрезвычайная комиссия, по сути, трибунал, которая решала вопрос о казнях. Я повторяю, в ходе прериальского восстания лишь один депутат погиб. В отместку за эту смерть было после завершения восстания казнено довольно значительное число людей. В истории Революции необходимо различать два особых вида насилия: насилие со стороны государства и насилие восставшей толпы. Возьмем, например, взятие Бастилии. Ношение отрезанных голов на пиках – это совершенно новый тип насилия, который не известен до 1789 г. Или другой известный феномен – «Великий страх». В стране произошло множество пожаров, но мало человеческих жертв. Восстание 10 августа 1792 г.: гибнут солдаты во время штурма дворца. И только сентябрьские убийства 1792 г. – единственный пример действительно массового народного насилия, которое имело стихийный характер и не поддавалось никакому контролю. Более 1400 человек в эти дни было убито. Конвент был убежден, что нужно остановить народное насилие любыми средствами и установить общественный порядок. Депутаты-монтаньяры были убеждены в этом, создавая революционное правосудие. Есть и третий вид насилия – военное. В этом смысле важнее всего напомнить о войне в Вандее. Солдаты республики не признавали за вандейцами статуса граждан, солдат и военнопленных. Их немедленно казнили. Восстание 13 вандемьера весьма интересно, прежде всего, если его рассматривать в том смысле, о котором я говорю. То есть, восстание в вандемьере – это также пример именно военного насилия. Во главе вооруженных сил Конвента находился будущий бессменный член Директории Жан-Поль Баррас, бригадный генерал армии республики. Другой генерал – Бонапарт – в тот день просто расстрелял из пушек толпу перед церковью св. Роха близ Конвента. Фактически, когда угроза победы восстания стала реальной, один генерал призвал другого генерала и отдал ему приказ о восстановлении общественного порядка. Генерал Бонапарт расстрелял гражданское население, и количество жертв исчислялось сотнями. В основном, в вандемьере восстали жители западных

секций Парижа. На самом деле в историографии Революции о феномене военного насилия написано крайне мало.

– Вы уже говорили о революционном терроре и гражданской войне. А какую роль, по-вашему, сыграли социальные трансформации в судьбах французов? Вчерашние ремесленники и крестьяне возглавляли республиканские армии, а представители аристократии отчаянно сражались с ними...

– Да, солдаты республиканской армии – это именно крестьяне в униформе. Они шли сражаться с врагами Отечества. И пруссаки, и вандейцы для них враги одного порядка. Вся инфраструктура вандейского повстанческого движения поддерживалась и содержалась за счет британских средств. Между Вандеей и Англией существовали прочные связи, англичане осуществляли логистическую поддержку восставших. Есть два элемента, которые я бы хотел здесь раскрыть. Я могу рассуждать об этом абсолютно спокойно, ибо сам не отношусь к числу историков-робеспьеристов. Я вновь возвращаюсь к великому Роберту Палмеру. Он обращал внимание на то, что в 1793 г. республика во Франции должна была погибнуть, так как ее военные силы были крайне слабы. Чтобы разобраться в этом вопросе, я предлагаю начать с простого уважения к контрреволюционерам. Начнем с того, что контрреволюционеров никак нельзя назвать жертвами Революции и гражданской войны. Это были убежденные в своей правоте люди. Они придерживались веры своих предков и свято верили в своего короля. Их вооруженные формирования были прекрасно оснащены, вооружены и хорошо организованы. Контрреволюционеры имели все основания и поддержку, чтобы в этой гражданской войне победить. Они имели громадную поддержку Англии и монархии Габсбургов. 60 департаментов восстали против Республики и поддерживали контрреволюцию словом и делом. Иными словами, все шло к тому, что роялисты должны были победить республиканцев. Казалось бы, они не имели права проиграть. И вот я пытаюсь для себя ответить на вопрос, *как* они проиграли, когда должны были победить? Отмечу, это вовсе не тот вопрос, который традиционно ставят робеспьеристы: *почему* они проиграли? Я спрашиваю себя о том, как это произошло? К поражению контрреволюционеров привели две «основные» причины: внутренняя и внешняя. Во-первых, их генеральный штаб был просто ничтожен. Во-вторых, была и внешняя причина. «Жить свободно или умереть» – это отнюдь не только яркий лозунг. Для революционеров в таком лозунге отражена ужасающая реальность: если бы королевская власть вернулась во Францию, все бы они были казнены. В этом состоя-

ло новаторство революционной войны. Если король мог проиграть сражение, кампанию, баталию, то он всегда оставался королем. Войска Людовиков XIV и XV постоянно терпели поражения, но это не становилось причиной их свержения. Республика и республиканцы во Франции не могли проиграть. Ценой проигрыша в этой борьбе была бы их собственная жизнь. Но печальный и неизбежный парадокс для Республики в тот момент состоял в том, что как военное поражение, так и блестящая победа над врагами, одинаково означали крах и скорую смерть самой Республики. Так, Робеспьер, которого я не очень люблю, это прекрасно понимал. Он полагал, что республика в тот момент еще слишком слаба и поэтому нельзя ни победить, ни проиграть без тяжелых последствий, поскольку в республиках, в отличие от монархий, тот, кто в итоге получает все, – это некий условный генерал-победитель. Именно такой триумфатор – Бонапарт, собиравшийся уничтожить республику, довольно скоро, всего через пять лет, доказал прозорливость Робеспьера. Все это имеет прямое отношение к вопросу о военном насилии, о котором я говорил, ибо связано с эволюцией сознания солдат революционных армий. Если в II году Республики армия набиралась из народа и именно тогда появился тип «солдата-гражданина», то через два года гражданственность уходит далеко на второй план, и они уже ощущали себя в большей степени солдатами, нежели гражданами. Это и был прямой путь к перевороту 18 фрюктидора и всем другим государственным переворотам с участием армии. Эта реакция армии была естественной, учитывая уровень развращенности и коррупции среди членов Директории и ее министров. Вот почему вандемьер, на мой взгляд, – это фундаментальный момент для истории революционной эпохи. Это был первый раз, когда республиканская армия вооруженной силой восстановила общественный порядок.

– Обращаясь к новым и альтернативным версиям Французской революции, в том числе оригинальным концепциям Революции в мировом контексте, как вы к ним относитесь?

– Приведу пример одной дискуссии. После выхода книги Дэвида Бэла «Первая тотальная война»³ во Франции имела место дискуссия. Гипотеза Бэла состояла в следующем: революционная война – это и есть настоящая первая мировая война. Я вовсе не полагаю, что эта концепция обоснована в достаточной степени, но тотальная война – это, по крайней мере, интересная концепция, заслуживающая внимания. Но, при любых новациях в современной историографии, я полагаю, что революционные войны

³ Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare. Boston, 2007.

1792-1815 гг. – это не что иное, как реакция Франции на усиление английского империализма. Для меня это очень важный тезис. Несколькими годами раньше внимание исторического сообщества было приковано к другой похожей концепции, в которой Семилетняя война трактовалась как первая мировая. Вот это уж действительно была первая *мировая* война, которая велась на всех известных в то время континентах. После этого Англия создала свою мировую систему. Английская талассократия, во главе с торговой олигархией – это квазимировая система. Во время Семилетней войны впервые в английской истории флот этой страны смог транспортировать весьма значительные массы вооруженных сил для участия в наземных военных операциях войне на других континентах – в Азии и Америке. Франция же, напротив, оказалась неспособна к такому соревнованию. Поэтому для нас, историков изучающих XVIII в., остается только улыбнуться, когда мы сегодня слышим о «глобализации» XXI века. Военные действия середины XVIII столетия затронули и Европейский континент, и Америку, и Азию. Поэтому мы хорошо знаем, что глобализация по английской модели и английская талассократия XVIII века – это и было ускоренное движение к «квазимировому рынку». И создание первой колониальной империи в Новой истории происходило на основе крайней жестокости в отношении индейского населения и других аборигенов. По большому счету, число казненных, число жертв французского ТERRORа конца XVIII в. следует соотносить с количеством жертв среди аборигенного населения в Азии и Америке в период колонизации европейцами этих континентов, сравнить с количеством уроженцев Африки, погибших после их продажи в рабство и при варварской транспортировке через океан, сравнивать, наконец, с количеством туземцев погибших от голода, организованного англичанами. Здесь я возвращаюсь к вопросу о Революции. Я полагаю, что в «классической» историографии Французской революции, к сожалению, очень мало внимания уделялось истории колоний. В книге Альбера Собуля «Краткое изложение истории Французской революции»⁴ этой теме посвящено всего несколько страниц. А колониальная торговля обеспечивала 30% от коммерческого баланса монархии Старого порядка вплоть до событий 1789 г. Если взглянуть на «атлантический фасад» Франции, на линию приморских городов между Бордо и Ренном, Ренном и Брестом, то это были превосходные и процветающие города XVIII в. Весь этот невиданный до тех пор экономический рост и развитие оказались возможны благодаря обширной морской торговле сахаром. Торговле с Антильскими островами. Это – исключительный экономический

⁴ Soboul A. Précis d'histoire de la Révolution française. P., 1962.

феномен. Франция Старого порядка имела очень тесные связи с островами и колониями. И важно заметить, что экономические последствия Революции для Франции были очень плачевными, во многом именно потому, что соотношение между завоеванием свободы во Франции и освобождением в колониях имело диалектический характер. Население колоний Франции состояло из трех неравных в количественном отношении частей. Во-первых, белые колонисты-собственники, в большинстве своем монархисты. Во-вторых, негры, освобожденные из рабства, также чаще всего сами рабовладельцы, они были сторонниками Революции, так как новшества гарантировали им политическое равноправие. Третья категория составляла подавляющее большинство, это были негры-рабы, не имевшие никаких прав. Между 1789-1792 гг. мало-помалу вопрос о свободе цветных приобрел важнейшее значение. Пришло понимание того, что они – тоже граждане. В феврале 1794 г. декретом Национального Конвента впервые в истории Французской республики рабство было отменено. Отметим, что этого не сделала ни Американская революция, ни англичане в своих колониях. Это имело далеко идущие последствия для Сан-Доминго. Следующий шаг сделала уже Директория, когда захотела преобразовать французские заморские территории в департаменты. Но, несмотря на все усилия, попытка республиканизации этих заморских территорий окончилась неудачей. Важным фактором, повлиявшим на то, что планы Директории провалились, стала морская блокада Антильских островов, которую организовала Англия. Другим важным фактором было желание Североамериканских штатов получить контроль над этими островами. А финальный провал Франции в колониальной сфере связан, увы, именно с политикой Наполеона Бонапарта. Именно он восстановил рабство в 1802 г. на французских территориях и прекратил этот уникальный для рубежа XVIII-XIX вв. эксперимент.

Список литературы

- Bell D.A.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Modern Warfare. Boston: Mariner books, 2007.
- Palmer R.* Twelve who ruled, the Committee of public safety during the Terror. Princeton: Princeton univ. press, 1941.
- Soboul A.* Précis d'histoire de la Révolution française. P. Éditions sociales, 1962.

Mitrofanov A. Outlook on the French revolution from nowadays: interview with Pierre Serna

The author offers the readers an interview with the well-known French historian, the last director of the Institute of the French Revolution History, professor Pierre Serna, who tells about the Institute which he headed sometime and which is closed now, about his researches, about the current state of French studies on the Revolution, about the crisis of identity experienced today by the Fifth Republic. Particular attention is paid to such a long time neglected topic as the consolidation of national institutions in the era of the Directory, and the one, on the contrary, widely discussed as a phenomenon of Terror, which is explained by Pierre Serna with the traditional Republican "theory of circumstances".

Keywords: The French Revolution, Institute of the French Revolution History, the Directory, Terror, identity.

А.А. Митрофанов

СИНТЕЗ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ В ИЗУЧЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ: БЕСЕДА С ПАТРИСОМ ГЕНИФЕ¹

В беседе автора с Патрисом Генифе, одним из ведущих французских исследователей Революции XVIII в., Консульства и Империи, поднимаются проблемы методологии современных исследований по соответствующей проблематике. Предостерегая, вслед за Ф. Фюре, от слепого доверия к архивному документу, П. Генифе считает, что от методологического «обнищания» историографию может спасти только синтез истории с философией, спасающий исследователя от зашоренности взгляда, обусловленного узкой специализацией, и позволяющий видеть события прошлого в широкой исторической перспективе.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., историография, методология, философия.

Патрис Генифе – один из ведущих сегодня французских специалистов по истории периода Революции XVIII в., Консульства и Империи. Работает много лет в Высшей школе социальных исследований (Париж) научным сотрудником Центра политических исследований им. Раймона Арона, который возглавлял в 2006-2008 гг. Автор многочисленных статей, в том числе в «Критическом словаре Французской революции», и ряда монографий². Беседа записана в Москве в ноябре 2012 года.

– Почему вы приняли решение изучать историю Французской революции? Был ли ваш персональный интерес связан с тем, что происходило в обществе в те годы?

– Всё просто: мой выбор был обусловлен давним интересом к событиям Французской революции. При этом первоначально я вообще не собирался заниматься историей; по-настоящему в то время меня интересовала философия. В этом плане ничего не изменилось: меня и по сей день

¹ Текст подготовлен к печати при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

² Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous dir de F. Furet, M. Ozouf. 5 vol. P., 2007 (1re éd. – 1988); *Gueniffey P.* Le Nombre et la raison. La Révolution française et les élections, préface de François Furet. P., 1993; *Idem.* La Politique de la Terreur. Essai sur la violence révolutionnaire, 1789-1794. P., 2000; *Idem.* Le 18 Brumaire. L'épilogue de la Révolution française, P., 2008, *Idem.* Bonaparte : 1769-1802. P., 2013.